

2. Proton D.-M. Présentation // Saint François de Sales. Introduction à la vie dévote mise en français contemporain. – Paris, 2011. – P. 7–21.
3. Всемирная энциклопедия: Христианство / Гл. ред. М.В. Адамчик. – Минск, 2004. — 832 с.
4. Подвижнические наставления св. аввы Дорофея // Добротолюбие. – М., 1998. – Т. 2.
5. Феофан Затворник, святитель. Письма // Библиотека «Святоотеческое наследие». – Режим доступа: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/feof_zatv/pisma6/txt05.html
6. Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? – Краматорск, 2009. – 415 с.

СЛОВО О ХРАМЕ КАК СЛОВО О ШКОЛЕ СВЯТОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

*Георгий Панков,
д-р филос. наук, профессор,
Харьковская государственная академия культуры*

Актуализация значения храма в контексте святости означает выход за пределы социологического контекста понимания храма, вписывающего его в культовую систему социальных институтов. В данном случае храм рассматривается в ином исследовательском контексте – применительно к идеалу, определяющего характер ориентирования сознания людей в мире мозаики окружающих их объектов. Последние регулярно подают сигналы, требующие от человека реагирования на многочисленные «вызовы» со стороны внешнего окружения. В такой ситуации человеку предстоит осуществлять ценностный выбор, в соответствии с которым определяется жизненная стратегия и тактика реализации персональных устремлений. Значение идеала приобретает *экзистенциально-персоналистическое* выражение, поскольку само ориентирование, согласно справедливому замечанию известного немецкого философа К. Ясперса, представляет собой

экзистенциально необходимое занятие для человека и человеческих обществ [8, с. 11].

Бытие каждого человека вписывается в систему определенных традиций, поэтому ориентирование в мире не только представляется необходимым предметом заботы со стороны отдельного индивида, но и традиции. Традиция предоставляет человеку идеологические ориентиры в виде принятых идеалов, определяющих для людей порядок их жизненной линии поведения в системе традиций, которые избраны самими людьми в качестве социокультурного пространства бытия. Православная традиция в лице ее выдающихся представителей выражает свою духовную заботу о пастве посредством активной назидательной деятельности, предметом которой является ориентирование каждого человека относительно Бога и мира. Для этого Церковь использует имеющиеся в ее распоряжении многочисленные культурные каналы, включая храм с наполняющими его пространство иконами, светильниками, пением, молитвою, священнодействием, которые не только демонстрируют присущими им символами священный образ жизни, но и внедряют его ценности в сознание христиан. Храм служит одним из важнейших факторов освидетельствования идеала святости, а пастыри Церкви своим назиданием паствы побуждают их сознание обратить внимание на храм как на школу жизни в ее последовании Христу. В указанном контексте значение храма представлено в творчестве св. Иоанна Кронштадтского (1828-1909), известного церковно-общественного деятеля, писателя и проповедника Русской Православной Церкви на рубеже 19-20 ст.

«Словом сказать, – подчеркивал св. Иоанн Кронштадтский в одной из своих проповедей, – храм есть наилучшая школа христианского воспитания, училище христианских, небесных нравов и всякой добродетели, тихое пристанище обуреваемых страстями житейскими душ, лечебница душ и телес; святое место общения с Богом» [т. 5, с. 67]. В приведенной мысли уместно выделить следующие черты в понимании храма. Первое: значение «святое место общения с Богом» указывает на ключевой смысл пространства храма и присутствия в нем каждого человека – как со-присутствия в активном обще-

нии с незримо присутствующим Богом и действием Его святой благодати. Используя терминологию феноменологии религии, это соприсутствие справедливо назвать регулярно повторяющейся в храме *церофанией*, освящающей храм со всеми его значениями. «Именно поэтому место становится неиссякаемым источником энергии и святости, наделяя ими любого человека, даже просто находящегося здесь, и поддерживая его связь со священным, — писал известный ученый-религиовед М. Элиаде [6, с. 338].

Второе значение храма: названное выше активное в нем со-присутствие образует школу, содержанием которой является воспитание в духе христианской морали. Основным смыслом воспитания в храме состоит в ориентировании души к Небесному царству и освобождении ее от обильного навала житейских страстей. Характер воспитания расценивается в виде исцеления душ от повседневных пороков с целью их «небесного» преображения как ориентирования к Небу.

Третье: значение тихого пристанища указывает на храм как на пространство свободы от житейской суеты с ее бурным натиском страстей, которые умиротворяются в священной тишине. Из всех приведенных выше значений ключевым следует признать первое, поскольку определение храма в качестве места общения с Богом определяет священный характер всего происходящего в храме, включая образовательный и воспитательный в нем процесс.

Фундаментом образования представляет собой усвоение знания, но в храме как в школе подготовки усваивается священное знание. «Храм — земное небо, место теснейшего соединения с Божеством; училище небесное, воспитывающее христиан для небесного гражданства, обучающее их небесным нравам, небесному жительству...», — писал св. Иоанн в «Мыслях о Церкви и православном богослужении» [2, с. 107]. В изложенных «Мыслях» потребовалось обосновать идею, согласно которой ничего честнее и почетнее храма на земле не существует. Для этого излагается сакральность храма в значениях света просвещения, источника живой воды, чистого духовного воздуха, нетленной пищи и питья, священного языка богослужения. Храмовое богослужение рассматривает-

ся альфой и омегой судьбы мира и человека, опыт которого необходимо усвоить человеку для осмысления собственной судьбы. Сакральная ситуация храма позволяет познать истинное благородство своей души, культуру подлинного отношения к Богу, ближним, обществу, миру, а также цель и цену жизни. Храм должен восприниматься *училищем покаяния*, в котором слышатся «голоса обнищавшего грехом» человека [Там же].

Целью воспитания человека провозглашается достижение жизни в будущем веке, к чему его устремляет христианство. Ориентирование души на Небо теснейшим образом связано с ее переориентацией как отказа от приоритета условных земных ценностей в пользу вечных, потусторонних. «Нужно всячески, при помощи Божией, направлять ее к небу, раньше знакомить ее с тамошним светом и тамошними потребностями, образовывать ее по-небесному, заставлять ее заблаговременно дышать, так сказать, небесным воздухом. Это и значит воспитывать для Неба, для Господа», — поучал паству кронштадтский пастырь в произнесенном им слове в день праздника Введения в храм Пресвятой Богородицы [3, с. 328]. Для того, чтобы небо приняло в своем просторе человеческие души, необходимо в них положить что-либо «родное Небу, иначе на Небе не будет для нас места» [Там же]. Наиболее оптимальным местом такой подготовки души служит храм. Служение в земном храме рассматривается служением Богу на земле как подготовка служения Ему в небесном Царстве. Чаше всего за богослужением слышится краткое повторяющееся прославление бессмертного Бога, Его непоколебимого царства и человеколюбия.

Осуществление в храме служения Богу дает присутствующему в нем богатую информацию о Боге и человеке в их тесном взаимоотношении, которое проецируется в богослужебном чтении, пении, молитвах, действиях священника. Однако образование в храме не сводится к информации о Боге и о священных смыслах. Христианин постигает слово Самого Бога и связанные с Ним священные значения, присутствуя в ситуации святости, которые составляют священное пространство храма и священное время храмового богослужения. *Слышание* о вечном, небесном, Божественном сопровождается *видением* Сла-

вы, на которую указывают святой престол, крест, книга Завета и другие знамения спасения людей. Слышащий и видящий в храме Славу интегрируется в ее святое поле, а прославление Славы представляет собой глубокий воспитательный процесс демонстрации и усвоения христианского идеала святости.

Храму придается спасительное значение, что вытекает из взгляда на христианство как на «религию спасения». Храм определяется св. Иоанном Кронштадтским в сотериологических значениях, а именно – местом обожения, обновления, освящения и усыновления Богом, местом небесного жития на земле в богообщении и совокуплении с Ангелами [2, с. 108, 118]. «Тут прославляются небесные добродетели святых, тут общая молитва не о чем другом, житейском, а о спасении душ, о прощении грехов, о преуспевании в добродетели и даровании блаженного бессмертия душам нашим, молитва за всех» [2, с. 119]. Поэтому храм назван местом просвещения и руководства к вечной жизни [2, с. 108].

О чем свидетельствует храм? В ответе на поставленный вопрос можно выделить две основные темы образовательного процесса в храме как в школе христианского воспитания: 1) о святости, которую демонстрирует храм, и о праведной жизни, к которой призывается каждый человек; 2) о достоинстве человека и его жизни в его соотнесенности с Небом и землею.

Храм как пространство святости. «Храм есть селение Божие на земле, дом Божий. Здесь необъятный, беспедельный Бог как бы объемлется, нисходя от своей беспредельности в малое вместилище храма...», – проповедывал мирянам св. Иоанн [3, с. 332-333]. Здесь представлена онтология храма, подчеркивающая значение не только разделения бытия на небесно-божественную и земную сферы, но также учета их со-причастности и когерентности в пределах священного топоса, каковым является храм. Понимание сакрального значения храма составляет идея незримого присутствия в нем Святого Духа, печать Которого получают христиане в процессе миропомазания, «чтобы все чувства и деяния наши были святы духом и телом», – отмечает кронштадтский пастырь [5, с. 11].

В «Мыслях о Церкви и православном богослужении» св. Иоанн Кронштадтский определяет храм как образ скинии Бога с людьми со ссылкой на Откровение св. Иоанна Богослова, где говорится о скинии, в которой Бог будет обитать с людьми: последние будут Его народом, а Сам Бог с ними будет их Богом (Откр. 21,3). В приведенной ситуации храм выглядит ареной высокого духовного уровня общения между Богом и людьми, характеризующийся *усыновлением*. Храм, подчеркивается, есть дом Бога, Небесное Отечество христиан, где они являются небесными гражданами, наследниками Бога Отца и сонаследниками Христу [3, с. 344]. Чтобы быть достойными наследниками и сонаследниками, дом Бога рассматривается местом воспитания, которое вменяется священным долгом каждого христианина.

Обратим внимание на ряд значений выражения сакральности храма, на которые указывает опыт феноменологического осмысления религии. Материалом такого анализа послужит следующий фрагмент поучения св. Иоанна по случаю освящения придельного престола храма в г. Устюжне. «Храм есть святой дом Божий: безначальный, неописанный, страшный и неприступный славою и величием Бог является в нем как бы описанным, благоприступным, и восседит на престоле святем Своем, приемля здесь молитвы, славословия, благодарения наши, покаяние наше, воздыхания и слезы наши, утоляя печали наши и веселя и радуя нас, как Отец своих чад» [5, с. 11].

Все значения в приведенном высказывании концентрируются вокруг раскрытия величественности священного, относящегося к Божественной славе, охватывающей храмовый топос. Первую группу значений, раскрывающие значение величия, образует антиномия апофатики и катафатики – два распространенные в богословии метода выражения Абсолютного Бога. Апофатические («отрицательные») предикаты – «безначальный», «неописанный», «неприступный» дополняются катафатическими («положительными») предикатами описанности и благоприступности. Свойственная апофатике метафизика отдаленности Бога и человека, Творца и творения не абсолютизируется, но органически совмещается с метафизикой их при-ближенности. Бог, сидящий на престоле, что символизи-

рует алтарный престол, не отчужден от человеческих нужд, но принимает воздаваемые в храме молитвы, славословия, благодарения, покаяние людей.

Вторую группу значений составляют *mysterium tremendum* («тайна ужасающая») и *mysterium fascinans* («тайна завораживающая, привлекающая»). Как подчеркивает основоположник феноменологии религии Р. Отто, «чего страшусь – к тому же и тянусь», обращая внимание на священное как на притягательную силу, способную не только устрашать, но также очаровывать и захватывать сознание человека [1, с. 58]. Страшный и непреступный славою и величием Бог одновременно воспринимается Отцом своих чад, принимающим их воздыхания и слезы, утоляя печали и вызывая радость в сознании христиан. Рассмотренные значение следует воспринимать не только в виде существенных смысловых элементов архитектоники храма, но также инструментами ее конституирования.

Немаловажную роль в конституировании священного пространства храма выполняют порог и дверь. «Порог и дверь, непосредственно и конкретно указывают на разрыв в пространстве; и в этом их важное религиозное значение, т. к. вместе они являются символами и средствами перехода», – отмечает М. Элиаде [7, с. 262]. Этот переход фиксирует дифференцированную оценку пространства, разграничиваемого на священное (божественно-небесное) и мирское (условное-земное). Одновременно в нем выражается стремление человека перейти в священное пространство, оставив мирское (профанное) как неудовлетворяющий духовным запросам сегмент бытия. «Вступив в храм, – утверждал св. Иоанн Кронштадтский, – вы как бы оставляете за собой землю и вступаете в вечность...» [2, с. 120] и далее: «Приходя в храм, мы как бы восходим на небо, оставляя все земное за собой, – по крайней мере, так должны входить в храм» [2, с. 111]. Последняя фраза «так должны входить в храм» подчеркивает необходимость осознания христианами сакральности входа в храм, этим самым воспитывая с их стороны благоговейное отношение к святыне. Благоговейное отношение к храму должно строго осуществляться на всем протяжении присутствия человека в данной священной территории: «В храме место только молитве, покаянию, славос-

ловию и благодарению Творца и Господа, Спасителя и Судии нашего, а не помышлениям земным или страстям житейским, плотским, и да молчит здесь всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе помышляет, и никого и ничего не предпочитает Творцу...» [2, с. 120-121].

Присутствие человека в храме не следует рассматривать в виде физического факта, ему надлежит придать ценностное значение в соответствии с христианской аксиологической шкалой. Св. Иоанн Кронштадтский рекомендует присутствующему перед престолом Божиим человеку глубоко задуматься над вопросом: *где я стою и что вижу?* Ответом на данный вопрос должно послужить видение славы, которую составляют небеса, св. Голгофа, Тайная вечеря, крест умирающего и воскресшего Спасителя, книга Завета. «Где я стою? Ибо вижу пред собою по одну сторону царских врат – Господа, по другую – Пречистую Матерь Его; тут вижу в лицах главнейшие события из жизни Господа моего: Его рождение, Его крещение и прочее» [2, с. 117].

Поскольку храм представляет собой место, где совершается богослужение, присутствие при нем актуализирует вопрос: *что я слышу?* Ответом на него служит осознание присутствующего, что он слышит священную повесть о жизни Спасителя, о Его чудесных деяниях, искупительном страдании, смерти, воскресении и вознесении на небо [2, с. 116].

Видение и слышание, посредством чего постигается святость в храме, образуют ситуацию *священного зрелища*: «Вы ищите зрелища? Вот вам в храме. В богослужении беспримерное зрелище всей земной жизни богочеловека с Его младенческими пеленами и ложем в яслях, с Его сокровенной жизнью, с Его открытым, полным любви, мудрости и чудес служением миру, с Его страданиями, смертью, погребением, воскресением и вознесением на небо!» [2, с. 114].

Глубина видения и слышания выражается в формах всматривания и вслушивания как способов внутреннего проникновения сознания в те или иные объекты. В таком случае от сознания требуется транспозиция, то есть его перенесение в жизненную ситуацию интересующего человека объекта. Мысль о транспозиции сознания присутствующего в храме

християнина виражена следующими словами св. Иоанна Кронштадтского: «Тут я мысленно ставлю себя в Назарете, в доме древодела, где жила Преподобная Дева, и вижу начинающееся спасение мое и ежа от века таинства явление, прежде всего видимого мира, предположенного к совершению в судьбах Вечного» [2, с. 117]. Здесь, как очевидно, транспозиция сознания в ситуацию земной жизни Иисуса Христа соотносится с обращением сознания к вопросу о судьбе мира и собственной самости («вижу начинающееся спасение мое»). Поэтому *священное зрелище* в храме охватывает не только его священные объекты, но и самого субъекта в коммуникации с ними, этим самым интегрируя собственное «я» в священное поле Божественного откровения.

Воспитание благоговейного отношения к храму должна формировать вся символическая обстановка храма, образующая *целостный сакральный текст*. Св. Иоанн Кронштадтский разъяснял своей пастве значение ряда символов храмовой семиотической конструкции. Существенным символом храма является огонь, в понимание которого вкладываются разнообразные, но связанные друг с другом священные смыслы. Среди них – огонь горящих восковых свечей и лампад, служащий образом духовного огня – Духа Святого, воспламеняющего любовь в душах и сердцах людей [2, с. 105]. Огонь перед святыми иконами напоминает о пламенной любви святых к Богу и призывает христиан к долгу служить Богу и молиться Ему пламенным духом, чего часто не хватает верующим людям [2, с. 112]. В то же время горящие перед иконами светильники указывают на Бога, Который воспринимается неприступным светом, а также для грешников «огнем посядающим» и для праведников чистительным и животворящим огнем. Наряду с этим, свечи и светильники перед иконами и на святом престоле означают, что Бог есть свет, а очи Господа светят в десять тысяч крат светлее солнца, а святые Ангелы и угодники Божьи излучают собою свет, а тьма греха им вовсе не присуща [2, с. 115].

Из символики огня христианин должен не только извлечь информацию о священном характере храма, но и принять священный призыв к осуществлению христианских добродетелей в повседневной жизни. «И ты, христианин, – чадо света, и все

помышления твои, желания, чувства, намерения, слова, дела должны быть свет, а не тьма», – обращался к пастве св. Иоанн Кронштадтский [2, с. 115]. Христианин должен глубоко усвоить, что свет огня в храме, указывая на идеал святости, одновременно побуждает сознание человека обратить взор на собственные грехи и оценить их как адскую тьму. «И какая это бывает тьма, непроглядная тьма, скрывающая от нас совершенный свет Божий, тьма смертная, удаляющая от истинной жизни и вносящая во все существо наше смерть духовную. Но внемли, христианин, ты можешь и должен быть светом. И горе тебе, если ты будешь тьмой по суетности и нерадению своему: ты сам себе приготовишь осуждение, и вот тебе судии – святые...» [2, с. 115-116]. Таким образом, разъяснение символики огня становится разъяснением нравственных обязанностей христианина, а священный смысл огня обращается в средство обличения жизненных пороков и воспитание христиан.

Как очевидно, символика демонстрирует нравственное измерение христианства, которое сосредоточено вокруг идеала святости. Св. Иоанн Кронштадтский обращает внимание на образы святых на иконах, «блистающих небесной красотой, святостью, мужеством и непобедимой силой, кротостью и любовью» [2, с. 102]. *Блистание небесной красотой* выглядит существенной оценкой норм христианской морали, ее носителей – праведников, устремляющихся к святости, и самой святости как результата нравственного подвига. Блеск красоты этого подвига выражается на иконах, которые служат эстетическим средством позиционирования прославления добродетельной жизни святого. Св. Иоанн соотносит святость жизни с чудом, изумляющим мир подвигом любви, милосердия, кротости, смирения, преданности Богу [2, с. 102-103]. В данном смысле храм рассматривается свидетельством многочисленных чудес в нравственном измерении христианской жизни, а присутствие в храме выглядит как присутствие в поле чудес, выражающих духовное содержание христианства.

Святость и духовная чистота как универсальная характеристика храма ориентируют сознание всех присутствующих в нем к духовной деятельности, предметом которой должно являться очищение «скверн духовных и телесных». Присутству-

ющим в храме следует осознать, что они принесли сюда «смерд греховный», от которого душа призвана освободиться через св. Таинства и молитву, возносящих Богу духовное благоухание [2, с. 108]. Через духовное очищение христианин достигает состояния освящения и усыновления его Небесным Отцом. Таким образом, возвышающийся своей духовной чистотой над миром храм побуждает человека осуществить духовное возвышение собственной самости через со-участие в святости, которая им постигается в храме.

Вопрос о достоинстве человека. Главный акцент в решении поставленного вопроса ставится не только в уяснении вопроса: в чем состоит достоинство человека в соотнесенности его с ценностной шкалой храма, но в побуждении его *стать небесным человеком*. Поэтому храм, как и все христианство, содержит в себе священное знание, устремленное в практику стяжания святости, и уже в самом этом стремлении утверждается достоинство человека. На вопрос присутствующего в храме человека: *где я стою?* обстановка храма дает следующий ответ: «ты стоишь в пространстве святости». Осознание стояния в окружении святости актуализирует вопрос: «*кто я, присутствующий в храме*» и «*каков я, стоящий перед святыми*»?

Согласно, мысли св. Иоанна Кронштадтского, храм ориентирует человека на осознание своей христианской идентичности, а христианину он напоминает о названном статусе: «Кто не ходит в храм Божий, тот мало-помалу <...> теряет сознание, что он христианин, член Христов, член Его Церкви и наследник будущего Царствия, тот погружается духом и телом в суетность мира сего, делается человеком плотским, суетным, игрищем страстей различных, не радит о душе своей и об угождении Богу, тот быстрыми шагами приближается к своей гибели» [3, с. 355]. В данном изречении содержится *значение храма как пространства заботы о собственной душе*. Забота о своей душе вменяется христианину в качестве его священного долга, тогда как его игнорирование неизбежно ведет человека к духовному падению.

Взгляд на человека в христианстве основывается на библейской антропологии, согласно которой человеческая природа состоит из бессмертной души и тленного тела, среди

которых душа выражает собой образ Бога. Однако св. Иоанн Кронштадтский дополняет указанный взгляд идеей о человеке как о храме Бога, представленной в одном из посланий св. апостола Павла: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3:16). Данное изречение истолковывается св. Иоанном как снисхождение Бога к человеку, в котором выражается Его милость и желание всегда обитать в его душе как в храме. В таком случае человеку следует отчетливо осознать свою природу, которая, будучи храмом, предназначена для освящения и посвящения Богу. Христианская антропология как «антропология храма» возвышает фигуру идеального человека тем, что его душа не отдалена от Бога, но предназначена быть Его вместилищем.

Из приведенного обстоятельства вытекает осознание человеком ответственности за храм собственной души: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; и этот храм – вы» (1 Кор. 3:17). В указанной связи рукотворный храм служит существенной назидательной силой, указывающей человеку на его христианский долг: «Для кого и для чего создается и освящается рукотворный храм, это здание храма? Для человека, для того чтобы этот храм мог служить к освящению человека и грешника, который должен быть сам духовным нерукотворным храмом Божиим», – наставлял кронштадтский пастырь [5, с. 10-11].

Призванный стать храмом Бога, человек сделался рабом греха. Однако сущность храма не совместима с грехом, поэтому от души требуется ее регулярное очищение и обновление. Обратив внимание на обновление в 1881 года храма в честь св. апостола Андрея Первозванного, св. Иоанн по заслугам оценил труд людей, благодаря которому храм стал радовать зрителя своей чистотой и благолепием. «Но, братия мои, – подчеркивал он в своем проповедническом слове, – эта красота и чистота рукотворенного храма должна напоминать нам о чистоте и благолепии нашего внутреннего, нерукотворенного храма, нашей души, нашего сердца, а также и нашего тела, которое апостол называет храмом Святого Духа, и поелику эти храмы нерукотворные исполнены нечистоты и нелепоты греха, чистота и красота нерукотворного храма должна послужить

к очищению и обновлению храма нашего душевного и телесного» [4, с. 55]. В приведенном высказывании обнаруживаются следующие идеи: 1) констатация пропасти между святостью храма и испорченной грехом человеческой природы, 2) констатация со-присутствия духовной чистоты и греховной нечистоты в пространстве храмовой святости, 3) указание на необходимость очищения человеческой природы для осуществления ее соответствия благолепию храма.

Вопрос о достоинстве человека переносится на уяснение вопроса о достоинстве христианина: «Сам христианин есть храм Духа Святого, и должен быть свят по душе и телу, и в храм Божий приходит для освящения, просвещения и обновления» [2, с. 108]. Св. Иоанн Кронштадтский напоминал христианам об их обязанности «стараться быть Божиими храмами», что включает в себя многочисленные нравственные добродетели [3, с. 338]. Но, уже находясь в святом храме, при посредстве Таинств, молитвы, слова Божьего, христианин делается храмом Святого Духа, живущего в человеке [3, с. 348]. В осознании долга «стать храмом Бога» и реализовать в жизни указанное назначение заключается высокое достоинство христианина.

Осознание высокого достоинства христианина должно породить вопрос: достоин ли человек именоваться христианином? Для этого присутствующему в храме христианину рекомендуется глубоко, искренне и всецело войти в себя и познать самого себя. Молитвенная обстановка в храме, благоговейное чтение Священного Писания, особенно Псалтыри, способствует познающему себя христианину *обнаружить свою духовную наготу*, свое падение, растрепанность, окаянность и т.п. [2, с. 110]. Самопознание в обстановке храма вызывает слезы умиления, укрощает страсти, вселяет кротость, смирение, воздержание и т. д. «Никто, – утверждал св. Иоанн Кронштадтский, – не воспитывает человека для неба, для Бога, как церковь. Это наилучший педагог. Поэтому напивайте себя как можно больше, цельнее, духом церковных молитв, духом святости, кротости, правды, любви, духом небесным» [2, с. 110-111].

Таким образом, вопрос о достоинстве человека, который пробуждает аксиологическое пространство храма, тесно

соотносится с вопросом о достоинстве христианина, призванного реализовать собою «храм Святого Духа». Присущая храму «аксиология Неба» ориентирует в указанном направлении жизнь христианина. Эта ориентация представляет собой ответ в решении вопроса о достоинстве человека, в особенности христианина, и одновременно основополагающим критерием в оценке их достоинства. В связи с изложенным обстоятельством предметом озабоченности школы христианской жизни служит вопрос об «аксиологии земли» в соотнесенности с достоинством христианина.

Св. отцы и пастыри Церкви регулярно напоминают христианам о высоком звании, которое они носят как верующие в Иисуса Христа, Сына Божьего. «Звание наше – очень высокое, обязанности наши – также весьма важные; духа мы должны быть возвышенного, святого, кроткого, смиренного», – наставлял паству св. Иоанн Кронштадтский [3, с. 344]. Таким образом, мало именоваться христианином, но необходимо всегда помнить о своем христианском долге и повседневно осуществлять его в процессе заботы об освящении своей души. Христиане должны сами стать нерукотворными храмами, «духовно благоустроенными и благоуханными», очищенными от всякой скверны плоти и духа. Для этого требуется напряженный *духовный труд*, сочетаемый с *искусством украшения внутреннего храма*. При этом следует напоминание мысли св. апостола Павла о призвании христиан быть храмом Бога живого и о несовместимости храма Бога с идолами (2 Кор. 6:15-16) [5, с. 117].

Забота христиан о благолепии рукотворных храмов должна напоминать им о заботе вокруг благоустройства нерукотворных храмов, каковыми призванными быть человеческие души, не запускать их в «дыму и чада страстей» «Итак, возлюбленная братия, если хотите очистить свой внутренний храм, свою душу от пыли и копоти греховной, от тли и безобразия страстей, очищайте глубоким покаянием, воздыханиями, молитвами, слезами <...> Украсьте свой внутренний чертог, свой храм», – обращался к пастве в своем пастырском слове св. Иоанн [4, с. 58].

Достоинство человека определяется не только в соотнесенности с божественным идеалом, но и с земной жизнью.

Основополагающая позиция в указанном вопросе содержится в известном высказывании Иисуса Христа о безусловных небесных сокровищах и условных сокровищах земных (Мф. 6:19-21), что указывает на необходимость для человека стремиться к Царству небесному и оставить увлеченность земными благами, осознав их как суету. Св. Иоанн Кронштадтский настоятельно рекомендует размышлять, что все земное слишком непостоянно и чрезвычайно скоро проходит, оставляя в сердце человеческом, преданного миру, одну пустоту [3, с. 329]. Поэтому воспитание человека для Неба, которое осуществляется в храме, должно наводить мысль присутствующих в нем людей о суете и ничтожестве земных благ [3, с. 336]. «Что вы встречаете в мире и что в храме? В мире – почти на каждом шагу суету, прелесть, порок; в храме – только истину, святиню и всякую добродетель; в мире – тлен, грех, смерть; в храме – нетление святых и Вечную Жизнь; вне храма вы видите предметы суеты житейской, питающие похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую...» [3, с. 345].

Воплощение в воспитательную практику идеала достойной личности со стороны христианской проповеднической практики осуществляется методом обличения недостойных образцов поведения со стороны людей, особенно тех из них, которые относят себя к христианам, но на самом же деле их образ мыслей и действий приобретает языческий характер. «У тех, кто ходит в театр, жизнь мало-помалу утрачивает христианский характер и делается, в сущности, не христианской, а чисто языческой: их молитва бывает не искренна; храма они не любят; богослужение их не занимает; к таинствам христианским относятся только формально, внешне, без участия сердца...», – отмечалось в одной из проповедей св. Иоанна Кронштадтского [3, с. 355]. Мир им определяется в виде гумна Бога, на котором имеются пшеница с плевелами, указывающими на людей с богоприемлемыми и богопротивными делами, которые в день жатвы будут разделены и помещены одни – в «житницу небесную», а другие – сожжены «огнем неугасимым» [3, с. 331-332].

Таким образом, храм, в котором воплощен идеал святости, является сакральным носителем христианских ценностей,

проводящих отчетливое размежевание между Небом и землей, святостью и суетой, между которыми человеку предстоит осуществить свой стратегический жизненный выбор. Св. Иоанн Кронштадтский называет церковь источником живых вод, где струится чистейший ключ жизни [3, с. 336], источником и местом духовного возрождения, христианского просвещения и воспитания [5, с. 67-68]. «Ты приходишь, христианин, в храм, к своему источнику жизни: приходи же с верой, смирением, искренним сердцем, со страхом, – утверждал православный мыслитель. – Приходя в храм, мы как бы восходим на небо, оставляя земное за собой, – по крайней мере, так должны входить в храм» [2, с. 111].

Следует обратить на последнюю фразу «так должны входить в храм», которая указывает не на механическое перемещение человека из внешнего пространства храма в его внутреннюю территорию, но на благоговейный переход в пространство святости, значение которой составляет квинтэссенцию ответа на вопросы: *где я стою* и *кто я такой, стоящий в храме?* Поэтому в своих поучениях св. Иоанном особенно подчеркивалась добродетель входить в храм с любовью, благоговением и страхом как в место «селения славы Божией» [5, с. 460]. Он учил: «Кто не ходит в храм Божий, тот мало-помалу утрачивает веру, надежду и любовь, которые так прекрасно и сильно воспитывают в нас храм Божий своим богослужением, Таинствами, обрядами, поучениями, тот теряет сознание, что он христианин, член Христов, член Его Церкви и наследник будущего Царства...» [3, с. 355]. Согласно глубокому убеждению св. Иоанна, «христианин без церкви, как рыба без воды, не может жить истинной жизнью: церковь – его стихия» [2, с. 109]. «Итак, – завершал кронштадтский подвижник одну из своих проповедей, – познаем, наконец, свое высокое достоинство и назначение, которым удостоил нас Господь Бог наш; будем воспитывать себя непрестанно в жилище Богу, *очистим себя покаянием от всякой скверны плоти и духа, совершая святиню в страхе Божиим*» [3, с. 336].

Выводы. Изучение слова о храме в творчестве св. Иоанна Кронштадтского выглядит свидетельством о храме как о слове, презентующем собою идеал святости через сакральные

символы, образующие специфический язык позиционирования названного идеала. Храм как священное слово является существенным предметом слова проповедника и воспитателя христианских душ. Слово о храме становится словом о Боге в его отношении к человеку и одновременно словом о человеке в его устремлении к Богу, а сферой духовного охвата указанных отношений является слово о святости. В такой ситуации слово о храме является педагогическим словом.

Слово о храме выглядит педагогическим словом о присутствии человека в храме, а также о со-присутствии человека и святости. Это слово взывает к активности сознания присутствующего в храме человека, которое состоит в интенциональности всматривания и вслушивания как способов проникновения в иконографическую и литургическую демонстрацию жизни святых. Активность сознания состоит в его проникновении в поле святости, где осуществляется погружение святостью чувств, мыслей и воли человека. В таком случае святость охватывает сознание личности и ориентирует его к интенции жить, согласно святости.

Слово о храме представляет собой педагогическое слово о христианской жизни. Его значение состоит в осуществлении функции жизненного ориентирования. Святость как христианский идеал является путеводной звездой и движущей силой жизни по Христу, ценность которой возводится на ступень священного долга. Поэтому слово о храме правомерно воспринимать педагогическим словом о христианском долге. Ориентация души к Богу означает ее радикальное переориентирование в виде отказа от приоритета мирских ценностей в пользу небесных, а эгоцентризма в направлении теоцентризма. Поэтому слово о храме тесно увязывается с обличительным словом о мире и о плотском человеке. Оно выглядит педагогическим словом о морали и о моральности человека, в особенности христианина.

Храм трактуется не только в значении идеальной территории, но также состояния идеальной души. Святость храма рассматривается в виде императива – стать достойным храмом Бога, заботиться о собственной душе, поддерживать ее чистоту, украшать добродетелями и оберегать от осквернения. В та-

ком случае слово о храме представляет собой педагогическое слово о подвиге христианина, осуществлять который он призван на протяжении всей своей жизни.

Изучение творческого наследия св. Иоанна Кронштадтского позволяет обратить внимание светской общественности на глубокое духовное значение храма, которое не сводится к пониманию его в качестве культовой территории или произведения художественной культуры. Храм – это слово о божественно-духовной жизни человека, возвышающейся над условно-мирскими стремлениями. Это слово указывает человеку на обретение сакральной духовности через очищение и освящение как существеннейшие характеристики жизненной константы личности. На данном смысловом фоне сведение понимания храма к значению культового помещения или произведения искусства выглядит профанной банальностью как показателя отсутствия компетенции в области христианской культуры.

На фоне слова Церкви о храме также выглядит банальным утверждение противников православия о храме как выражении идолопоклонства. Как мы убедились, учение св. Иоанна Кронштадтского о храме представляет собой учение о святости, которую демонстрирует собой храм в значениях священной символики, выражающей безусловный идеал условными средствами искусства, создающие художественные образы святых и их подвижнической жизни. Священный смысл, которым наделяются эти образы, возвышает их над условным окружением тем, что демонстрируют картину святости. Поэтому слово о храме представляет собой слово о культуре в ее интенции на христианский идеал святости и воспитание человека в духе указанного идеала.

Список использованных источников:

1. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто / Пер. А.М. Руткевича. – СПб.: СПбУ, 2008. – 272 с.
2. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Собрание сочинений. – т. 2 : Мысли о Церкви и православном богослужении.

- Путь к Богу / Иоанн Кронштадтский. – Украинская православная церковь. Полтавская епархия. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2006. – 623 с.
3. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Собрание сочинений. – т. 3 : Вероучительные беседы. Слова и поучения / Иоанн Кронштадтский. – Украинская православная церковь. Полтавская епархия. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2006. – 431 с.
4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Собрание сочинений. – т. 5 : Поучения, слова и речи на высокаторжественные дни, храмовые праздники и разные случаи / Иоанн Кронштадтский. – Украинская православная церковь. Полтавская епархия. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2006. – 399 с.
5. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Собрание сочинений. – т. 6 : Слова и поучения, произнесенные в 1896-1901 гг. / Иоанн Кронштадтский. – Украинская православная церковь. Полтавская епархия. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2006. – 512 с.
6. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде // Избранные сочинения / Пер. Ш.А. Богоиной, Н.В. Кулаковой, В. Р. Рокитянского, Г.С. Старостина. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
7. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде // Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении / Пер. Н. К.Гарбовского. – М.: Ладомир, 2000. – С. 249-392.
8. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс /. – М.: «Канон»+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

СИМВОЛИЗМ КАК МИРОВОСПРИЯТИЕ

Юрий Синебрюхов,

аспирант,

*Национальный технический университет
«Харковский политехнический институт»*

Чуждо явного значенья,

Для меня оно символ

Чувств, которых выраженья

В языках я не нашел.

Баратынский Е.А.

«Еще недавно думали – мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы. Все обесценилось... В ту пору зияющий провал разверзся между чувствами и разумом». Так начинает Андрей Белый свою статью «Символизм как миропонимание».

А вот строчки из произведения аргентинского писателя Борхеса, где цитируется «некая китайская энциклопедия», в которой говорится, что «животные подразделяются на:

- а) принадлежащих императору,
- б) бальзамированных,
- в) прирученных,
- г) молочных поросят,
- д) сирен,
- е) сказочных,
- ж) бродячих собак,
- з) включенных в настоящую классификацию,
- и) буйствующих как в безумии,
- к) неисчислимых,
- л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти,
- м) и прочих,
- н) только что разбивших кувшин,
- о) издалека кажущихся мухами».